

ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ //

СЛУГИ ГОСПОДНИ

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз в церковной жизни Балакова и сёл, входящих сегодня в состав Балаковского района. В предыдущем номере мы начали рассказывать о Воскресенском мужском монастыре, который восстанавливается на территории Кормежского муниципального образования. Он был основан монахом-раскольником Авраамием в 1763 году.

ОСНОВАННЫЙ АВРАМИЕМ

В 1797 году российский император Павел I отправил в Иргизские монастыри своего ближайшего вельможу действительного тайного советника Рунича в качестве посла. Благодарные монахи написали императору письмо-заверение в верноподданничестве Его Величеству:

«1797 года февраля 18 дня Вольского округа жительствующие на Иргизе старообрядческих монастырей – Верхне-Успенского, Средне-Никольского и Нижне-Воскресенского – настоятели со своей братией: сим в достоверность, что господин действительный статский советник Павел Степанович Рунич, бывший в наших монастырях, объявил нам Его Величества Государя императора Павла I Высокомонаршее благоволение, каковое и мы нижайше приемлем с глубочайшим благоговением и с действительнейшею преданностью, прося и моля Подателя всех благ Господа Бога из глубины сердец наших о долготлетнем здравии и благоденствии Его императорского Величества и всей Высочайшей Императорской фамилии, каковым верноподданническим усердием и непоколебимой преданностью пребудем во все дни живота нашего».

А вскоре последовал Высочайший Указ, освобождающий иргизских монахов от рекрутской повинности. Тем самым беглому монашеству на Иргизе была оказана правительственная поддержка.

Чуть позже настоятель Воскресенского монастыря Прохор добился, чтобы земли, занятые монастырями, были выделены в особую часть при начале генерального размежевания земель в Саратовской губернии и отданы монастырям в вечное владение. Это распоряжение после смерти Павла подтвердил и Александр I.

Это указание было важным для все-

Павел I, худ. В.Л. Боровиковский

го раскола не только из-за материальных выгод, но и в нравственном смысле, как признание за Иргизскими монастырями такого же права на существование, какое имели монастыри православные. После этого наступила пора самого блестящего процветания раскольничьего Иргиза.

Внешний вид монастырей большей частью представлял форму правильно-четырёхугольника. Вокруг него обыкновенно строился довольно высокий деревянный забор или стена с каменными столбами. В центре возводили церковь или часовню, а вокруг них с трёх, а то и с четырёх сторон правильными рядами шли кельи в два-три порядка.

Если в первые годы иноки не имели практически ничего, то в начале XIX в. Иргиз встал в один ряд с самыми богатыми монастырями России. Богатства каждого из них оценивались более, чем в 100 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги. В церквях было много икон древнего письма, относящихся к XIII–XVI векам. Большинство из них было либо унизано жемчугом, либо покрыто сереб-

ряными вызолоченными ризами. Немало имелось и других драгоценностей. Чего стоило хотя бы медное, но густо высеребренное шестиярусное паникадило с 54 подсвечниками и общим весом в 18 пудов, висевшее посреди главной церкви Нижне-Воскресенского монастыря. Создавалось впечатление, что на Иргиз самое ценное из своих накопителей раскольники свозили со всей России.

Иргизские монастыри быстро стали для раскольников такой же святыней, как Афон для православных. Сюда, в «царство иноков», шли и шли паломники, чтобы не только насладиться великолепием храмов, но и послушать «ангелоподобное», так называемое демественное пение. Исконно, это – домашнее, одногласное пение, исполняемое вне храма. Обычай сопровождать домашние занятия священным песнопением возник ещё в Греции в V в. н.э., а потом перешёл к славянам. Согласно другим источникам, эта песенная традиция была завезена на Русь греческими певцами при Ярославе в XI в., а в XVI в. её перенесли в храм. Демественное пение сопровождало важные торжества. Под него венчался первый из Романовых Михаил Фёдорович. Но после церковной реформы XVII в. «демество» перешло в разряд второстепенных. Православная церковь запела многоголосием.

Привлекало на «русский Афон» и то, что здесь как на месте, якобы указанном самим Богом, по уверению иргизских монахов, хранились нетленные мощи святых отцов Исакия и Асафа, от которых больные получали исцеление. Но что особенно было важно для старообрядцев, так это то, что на Иргизе даже в самое трудное для раскола время никогда не оскудевало «священство»: отовсюду сюда стекались беглые православные священники. И в 1805 г. в Верхне-Спасо-Преображенском монастыре состоялся собор, который призвал и утвердил право на название «православной», «соборной» церкви только за иргизскими монастырями. (Вызов официальной церкви?!). Именно они получили единоличное первенство в пространстве своих священников по раскольничьей России. Грамотных монахов на Иргизе было предостаточно. Потребность чтения была значительной. Поэтому здесь существовали особые школы, выпускники которых расходились по всей стране.

Неизвестно, сколько бы это процветание продолжалось, если бы на российский престол не взошёл Николай I. Напуганный восстанием декабристов, он, как известно, ужесточил борьбу с любой крамолой. И повод расправиться с вольными иргизскими монастырями нашёлся довольно быстро.

Юрий КАРГИН

Продолжение следует